

Когда придет дождь

Автор:

[Рейчел Уорд](#)

Когда придет дождь

Рейчел Уорд

Темная вода #1

Вам наверняка знакома сила воды. Что, если кто-нибудь получит власть над этой силой и заставит воду служить темным целям?

Когда Карл открывает глаза на берегу холодного озера, он видит, как в мешок закидывают тело парня, удивительно похожего на него, и врачей, оказывающих помощь мокрой, дрожащей девушке. Вернувшись из больницы домой, Карл осознает, что ничего не помнит. Но постепенно, отдельными кусками, воспоминания возвращаются. Но самое ужасное – это то, что вместе с воспоминаниями возвращается и утонувший человек, его брат Роб, и он обвиняет Карла в своей смерти, в том, что Карл отнял у него любимую, и жаждет расплаты...

От автора всемирного бестселлера «Числа».

Впервые на русском языке!

Рейчел Уорд

Темная вода. Книга 1. Когда придет дождь

© И. Иванов, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

© Серийное оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2012

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)
(<http://www.litres.ru/>)

Эту книгу посвящаю Оззи, Эли и Питу,

помогавшим мне держать голову над водой

Предисловие

Идею книги подсказала история, рассказанная моему мужу коллегой. В этого человека ударила молния, когда он плавал в озере с двумя друзьями. Молнию из

сюжета я убрала, но взаимоотношения трех человек, оказавшихся на озере, стали стержнем всего повествования. Я писала роман во время творческого отпуска, позволившего мне отключиться от основной работы. Его можно рассматривать как своеобразное (хотя весьма странное) признание в любви городу, где я проработала десять лет. Сразу поясню: моя книга не о самом городе и не о людях, которых я там встречала. Добавлю также, что мысль написать эту книгу не связана с трагическими событиями, произошедшими в Соединенном Королевстве и за его пределами в невероятно дождливом 2012 году. Как ни печально, но люди тонут везде. Работая над романом, я все отчетливее понимала, какая трагедия обрушивается на семьи, когда их близкие тонут или оказываются жертвами наводнений. Никому не хочу добавлять боли и страданий, но я пишу о реальных, ежедневных происшествиях, влияющих на чьи-то судьбы. Если вы сами тонули или оказывались жертвой наводнений, вам лучше закрыть эту книгу. Что же касается остальных, надеюсь, чтение доставит им удовольствие, а в какие-то моменты у них по спине поползут мурашки.

Рейчел Уорд

Бат, ноябрь 2012 г.

Пролог

– Хватит. Пора заканчивать. Всех касается. Мы сделали все, что было в наших силах. Сворачиваемся. Время – семнадцать минут пятого.

Я открываю глаза. Дождевая капля бьет в левый глаз, в самую середину. Закрываю оба глаза, затем приоткрываю снова, чуть-чуть. Дождь продолжается. С серых небес падают нескончаемые водяные бомбочки. Что-то набилось в рот. Похоже, тина и камешки.

Я поворачиваю голову и сплевываю.

В метре от себя замечаю лицо – волосы блестящими змейками прилипли ко лбу, рот, слегка приоткрытые тонкие губы. Из уголка рта вытекает струйка воды. Бледная кожа, запачканная илом. Глаза закрытые, мелкие ресницы, похожие на

два кривых заборчика.

Это мое лицо.

Что-то поскрипывает, двигаясь снизу, от ног к талии и дальше, к плечам. Пальцы, в которых зажат бегунок молнии, на мгновение останавливаются, затем до конца застегивают молнию. Спальный мешок. Его положили в спальный мешок, потому что он спит. Но почему застегнули полностью, не оставив щели? Как же ему дышать?

Теперь примутся за меня. Я знаю: обязательно примутся. Но я не сплю. Я проснулся.

– Не закрывайте меня. – Я слышу слова у себя в голове, но губы не шевелятся. – Не закрывайте меня.

Голос рвется из сдавленного горла. Безуспешно.

Кто-то хватается меня за ноги. Еще кто-то – за руки; точнее, за подмышки. Теперь мой черед. Они и меня засунут в такой же мешок и наглухо застегнут молнию. Я пытаюсь сопротивляться, но руки и ноги чудовищно отяжелели. Не могу ими пошевелить. Не могу сдвинуться с места. Не могу ни говорить, ни связно думать.

Я оказываюсь на доске. Меня поднимают и грузят в пикап. Двери закрываются. Его мы оставляем снаружи.

Нет, двери снова распахиваются. Все же заберут и его. Вот, поднимают. Я слышу шаги и сопение. Смотрю туда, куда его должны положить. Если они так и не открыли мешок, я попытаюсь сказать, что они не правы. Если получится, я увижу его лицо, а он сможет дышать.

Но это не он. Какая-то девушка. Смотрит на меня. Косметика на лице размыта. Кажется, моя спутница тает, у нее посиневшие губы, руки покрыты гусиной кожей. Она дрожит. Она все время смотрит на меня, потом пару раз моргает и кричит.

Глава 1

Женщина, утверждающая, что она моя мама, берет такси, и мы едем домой. Она садится по одну сторону, я – по другую, как будто нам очень важен вид из окон. Нас разделяют сорок сантиметров пластикового сиденья. Мы пристегнуты ремнями безопасности.

От ароматов салона щиплет в горле. Жгучая смесь запахов пластика, чистящего средства и блевотины. Под передним зеркалом болтается голубое картонное деревце с надписью «Запах новой машины». Если так благовоняет в новой машине, что ж, остается терпеть.

Едем домой. Я не очень представляю место, в котором живу, но знаю, что не хочу туда. Хочу вернуться в больницу. Медсестра была ко мне добра, чего не скажешь о женщине рядом. На ней яркий спортивный костюм, который ей слишком велик. Похоже, она так много плакала, что слезы лишили ее всех сил. Я смотрю на нее и понимаю: ей рядом со мной так же плохо, как и мне с ней. Она почти не смотрит на меня, ее губы плотно сжаты в тонкую линию. Она совсем не улыбается.

Хочется вернуться. Но надо ли? Должен ли я это сделать – рвануть ручку, распахнуть дверцу, выскочить и убежать? Слишком поздно. Такси поворачивает за угол, набирает скорость. Больница остается позади.

Я в ловушке.

Лбом прижимаюсь к окну. Холодное. Ощущение мне нравится, оно успокаивает. Я утыкаюсь в спасительное автомобильное стекло. Нарочно поворачиваюсь чуть вбок, чтобы нос и подбородок тоже чувствовали прохладу. Еще сильнее. Губы ползут по стеклу, как две улитки. Женщина смотрит на меня воспаленными глазами.

– Что ты делаешь? – спрашивает она. – Карл, прошу тебя, прекрати.

Она тянется и хватает меня за руку. Я сопротивляюсь, а она лупит меня по затылку. Я ударяюсь в обшлюявленное стекло и пачкаю щеку. И сразу же вспоминаю все случаи, когда мать меня била. Они выстраиваются в памяти,

словно зеркала в зале. Женщина возвращается на свою половину сиденья. Слезы градом катятся у нее по лицу. Я понимаю: мне говорили правду. Она действительно моя мать. Сводит живот, меня захлестывает поток воспоминаний. Картинки прошлого пляшут перед глазами. Ее волосы, убранные назад. Запах пива. Обжигающее прикосновение руки к моей коже. Громкие голоса. Кричащий мужчина. Визжащая женщина. Хлопающие двери. Лавина неприятных воспоминаний, которую мне не удержать. Но одно я знаю наверняка.

Она – моя мама. Такая, какая есть. Другой у меня нет и не будет. Не знаю, люблю ли я ее или ненавижу, боюсь или жалею.

Я отодвигаюсь от окна и вытираю лицо рукавом.

– Посмотри, как насвинячил! Боже мой, сколько тебе лет? У тебя только что умер брат. Ты можешь проявить хоть каплю уважения?

Сколько мне лет? Я не знаю даже этого.

Она смахивает слезы.

– Пятнадцатилетние парни так себя не ведут.

Я трясую головой, сдерживая рыдания, которые тоже угрожают прорваться. Теперь я слышу голос у себя в голове, повторяющий снова и снова: «Не позволяй ей видеть твои слезы. Если увидит тебя плачущим, она победит. Мальчишки не плачут, Си». Я изо всех сил моргаю, закусываю губу и поворачиваюсь к окну.

Мир за стеклом выглядит таким нормальным. Магазины, дома, машины, люди. Все незнакомое. Мы проезжаем мимо больших домов. Я думаю: может, какой-то из них – наш? Откуда-то приходит ответ: нет. Почему я ничего не помню? Город остался позади, мы проезжаем деревню, вытянувшуюся вдоль дороги. Потом въезжаем в другой город, поменьше первого. Окраина встречает нас большим кирпичным зданием фабрики. Я мрачно поглядываю на закусочные, магазины для неимущих и заколоченные окна в домах центральной улицы. На тротуаре возле газетного киоска – рекламный щит, кто-то повесил на него развернутую газету. На обоих листах – крупные заголовки. Первую половину я разглядеть не успеваю, но вытягиваю шею и читаю заголовок на второй: «ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ: ТРАГЕДИЯ НА ОЗЕРЕ».

Мимо щита ковыляет старуха в шлепанцах и с тележкой в руках.

- Туда, - показывает мама.

Такси сворачивает с центральной улицы вбок. Едем еще минуты три. На каждом шагу магазинчики. Мы въезжаем в большой двор и останавливаемся. Счетчик показывает 12 фунтов 60 пенсов. Мама открывает сумку, достает кошелек, находит там десятифунтовую бумажку, роется в монетах.

- Один, два, - вслух считает она. - Набрала двенадцать тридцать. Эти чертовы монеты так и скользят между пальцами.

Раскрывает кошелек шире, царапает ногтем обшивку, вытаскивает руку и снова бренчит монетами. Я замечаю: на мизинце ее правой руки недостает фаланги. Ни кожи, ни ногтя. Мизинец кончается местом верхнего сгиба. Я знаю: она родилась с нормальным пальцем, но не могу вспомнить, каким образом лишилась фаланги. Однажды кто-то мне рассказывал... да, кто-то рассказывал.

- Сорок два. Сорок четыре.

У матери не хватает денег.

Таксист бесстрастно смотрит на нее в ожидании оплаты. Ему, как и мне, понятно: матери не набрать всю сумму. Он ждет, когда пассажирка в этом признается. В конце концов мама вынуждена сказать:

- Вот. Двенадцать фунтов и сорок семь пенсов. Все, что у меня есть.

Минуту водитель пристально смотрит на мать, потом решает: с него хватит. Чувствуется, ему не терпится нас высадить.

- Давайте столько, сколько есть. - Он протягивает руку.

Я едва успеваю захлопнуть дверцу. Такси трогается. Шины поскрипывают, унося таксиста прочь от несостоятельных пассажиров.

– Теперь эти чертовы ключи куда-то задевались.

Мама снова лезет в сумку. Мы стоим у бетонных ступенек.

– Поднимайся, – бросает она мне. – Я догоню.

Я смотрю на небольшую лесенку, что ведет к проходу. В памяти вспыхивает картина: парень, похожий на меня, стремительно сбегает по ступенькам и перепрыгивает через стену. А на моем месте стоит девушка с длинными темными волосами. Я снова и снова прокручиваю в мозгу эту сцену. Вижу, как парень, словно Бэтмен, перелетает через стену. Вижу улыбку на губах девушки. Она пытается скрыть восхищение, хотя и без ума от его ловкости. Парень. Девушка. Я их знаю, но не могу вспомнить имен. Должно быть, он мой брат. Кто же еще?

Картины памяти похожи на паутину, растянувшуюся между ступеньками. Я не хочу рвать их тонкие нити. Не хочу, чтобы они исчезли. Я хочу стоять здесь и ждать, пока увиденное не обретет смысл. Я его почувствую. Обязательно почувствую. Оно здесь, как слово, которое вертится на языке. Если просто стоять и смотреть...

Ко мне, тяжело ступая, подходит мама.

– Нашла, – сообщает она. – Идем. Мне надо выпить.

Я продолжаю таращиться на ступени, но теперь по ним поднимается мама, и вся магия нарушается. У нее худой, отвислый зад. Кромка брючин шуршит, задевая пол. Дойдя до верхней ступеньки, мама поворачивается.

– Карл, поднимайся.

Каждое слово сопровождается встряхиванием головы. Потом мама просто стоит и смотрит на меня. Ждет.

– Карл!

Я не двигаюсь.

- В чем дело? Идем в дом. Выпьем и хоть немного забудем этот чертов день.

Я нехотя поднимаюсь по ступенькам, подхожу к ней. Мама перебирает ключи и смотрит на них, а не на меня. Я рядом, но она словно не замечает.

- Мам, - тихо говорю я.

Она не поднимает головы. Всклокоченные крашенные волосы падают на щеки. Что-то капает ей на пальцы. Потом опять. Из ее горла раздается сдавленный звук. Боже, она опять плачет. Я пытаюсь что-то сказать, успокоить.

- Мама, ты не плачь. Все нормально.

Почему-то было легче, когда она кричала на меня. Сейчас еще хуже. Гораздо хуже.

Я не слишком высок, но все-таки выше ее. И мог обнять ее за плечи, но думаю только о том, как она ударила меня в такси.

Мамины слезы уже льются на бетонные плиты. Она стоит, маленькая и одинокая, перебирает ключи и плачет. Это ужасно, жутко. Я должен что-то сделать.

Подхожу ближе, поднимаю руку. Ладонь застывает в воздухе, в нескольких дюймах от нее, потом я осторожно кладу ее маме на спину и обнимаю за плечо. Поначалу мама ничего не замечает, отчего я чувствую себя дураком и растяпой. И уже готов убрать руку, но в этот момент мама наклоняет ко мне голову. Всего чуть-чуть. Ее макушка касается моего подбородка. Я не знаю, как быть дальше. Снимаю руку с ее плеча и ободряюще похлопываю по спине.

Она выпрямляется, громко шмыгает носом.

- Сам... открой, - просит она.

Слезы мешают говорить, я едва понимаю ее слова. Мама подает мне ключи, мокрые от слез. Я вытираю связку о свою футболку и иду по проходу. У каждого

дома есть огороженный забором пяточок земли; нечто вроде индивидуального дворика. Во дворе первого дома хозяева поставили две кроличьи клетки. Вокруг разбросаны яркие пластмассовые игрушки. Там же валяется опрокинутый трехколесный велосипед. В следующем дворике – лишь мусорный бак. В соседнем – мусором заполнен и бак, и пространство вокруг него. Замечаю пару разбитых бутылок, алюминиевые банки. Сюда же втиснуты два пластмассовых стула; у одного – кособокие ножки. (Когда-то стулья были белые.) Рядом хозяева ухитрились втиснуть старое кресло с распоротой обшивкой. Здесь же множество цветов в пластмассовых банках и ведерках. Целая оранжерея у входной двери, благодаря ей я и понимаю: это наш дом.

Цветы принесли в память о моем утонувшем брате. Я без конца слышал рассказы о трагедии, но для меня она просто печальная история. Несчастный случай, случившийся с кем-то другим. Я все забыл. Мне говорили, что память восстановится, но, когда не помнишь, где живешь, в эти обещания трудно верить.

Остановливаюсь у калитки. Мама – тоже. Мы смотрим на дворик и цветы.

– Я и не знала, что у него так много друзей, – слабым голосом произносит она.

Я толкаю калитку и пробираюсь к двери, стараясь не наступить на цветы. К некоторым ведеркам прикреплены карточки с посланиями, написанными от руки.

– Не задень их, – предостерегает мама.

Она идет следом и собирает банки.

Я вставляю ключ в замок входной двери. Меня трясет. Открыв дверь, пропускаю маму вперед. У нее все руки заняты цветами. Я возвращаюсь за оставшимися, вношу их в прихожую. Воздух внутри дома спертый: дух въевшегося табачного дыма и пива. Иду за мамой на кухню. Там все серое: столы, шкафы. Маленький обеденный стол вплотную придвинут к стене.

Мама опускает цветы на пол и поворачивается к холодильнику. Открывает дверцу. Мне издали видно, что внутри: две упаковки пива по шесть банок в каждой, полпинты молока, бутылка кетчупа и бутылка коричневого соуса.

Мама достает банку пива, быстро вскрывает, запрокидывает голову и вливает в себя содержимое. Ее горло пульсирует. Она жадно глотает пиво, пока не опустошает банку до дна. Потом достает другую.

- Хочешь? – протягивает банку мне.

- Сейчас возьму, – отвечаю я.

Мне уже тошно от возвращения в эту трущобу. Я ставлю цветы на стол и беру банку. Открываю, делаю глоток. Во рту горько, а в голове вспыхивает новый эпизод.

Я валяюсь на траве. У ног плещется вода. Рядом несколько парней, и один похож на меня. Мы выпиваем, по-глупому подражая взрослым. Футболки сняли, подставив тела солнцу. Оно приятно согревает мне лицо и плечи. Я лежу, упираясь локтями в колкую траву. Парень глубоко затягивается сигаретой и выпускает дым в сторону озера.

В горле встает комок. Кажется, меня сейчас вытошнит. Я с усилием глотаю, проталкивая пиво внутрь. Мама присосалась ко второй банке так, будто это не пиво, а лекарство, от которого зависит ее жизнь. Допив, отодвигает пустую банку в сторону. Дверца холодильника по-прежнему открыта. Мама тянется за третьей порцией.

- Возьми мою, – предлагаю я.

Зачем открывать новую, когда моя почти полная?

- Нет, она твоя. Пей сам.

И достает третью банку, которую ждет судьба двух первых. Можно подумать, мама соревнуется с кем-то на скорость. Я держу банку в руке, но больше не пью, наблюдаю за матерью.

- Мам...

Я хочу ее остановить, рассказать о солнце и воде. Хочу спросить о парне. Он был удачлив. Такие если падают, то встают на ноги. Удачливость кошки. Говорят, кошка всегда приземляется на лапы.

Мой брат.

Роб.

- Чего тебе? - спрашивает мама.

- Мы можем... можем просто поговорить?

Она бросает на меня быстрый взгляд и тут же отворачивается. Словно животное, загнанное в угол. Кажется, само предложение поговорить ее пугает.

- Карл, я устала. Это был сущий ад... Дай мне спокойно пива попить. Мы потом поговорим. Обещаю.

- Но...

- Не начинай, Карл. Мне надо прийти в себя, - раздражается она.

Чувствуется, она на грани. Только бы снова не заплакала. Я отступаю, пропускаю маму в гостиную. Там она садится на диван с банкой пива в руке. Остальные на полу, поставлены так, чтобы дотянуться. Я стою в дверном проеме. Мама на меня не смотрит и не пытается со мной заговорить.

- Мам, - окликаю ее я.

Прошло несколько минут. Сейчас она напьется и заснет, а я представления не имею, где моя спальня.

Мама удивленно поворачивается. Похоже, она забыла обо мне.

- Что?

– Где я сплю?

Она поднимает на меня взгляд, пытаюсь вникнуть в смысл вопроса.

– В своей комнате.

В ее интонациях отчетливо звучит: «Какой же ты идиот».

Тема закрыта. Дальше спрашивать бесполезно. Мама отворачивается, утыкается в экран невключенного телевизора. Мне становится тяжело в ее присутствии. Куда пойти? Очевидно, что на первом этаже спален нет. Бреду на второй и где-то посередине лестницы останавливаюсь. Казалось бы, чего проще: поднялся и открыл дверь своей комнаты. Только не мне. Я медленно переставляю ноги.

Я будто проник в чужой дом и теперь пытаюсь разобраться, что к чему.

Поднимаю голову: передо мной три двери. Я замираю на месте. В одной двери почему-то три большие дырки. Интересно, откуда они? Слышатся звуки ударов. Дырки пробил Роб.

Одна, вторая, третья. Кулак Роба яростно обрушивается на дверь. Затем он стремительно поворачивается и тем же кулаком бьет меня по лицу.

Я сажусь на пол. Отхлебываю пива.

На что же он тогда так рассердился?

Еще глоток и еще. Я наедине с пивом, лестницей и темнотой. Сажу пью, пока не опустошаю всю банку. Пиво тяжело булькает в животе, но хмель делает свое дело. Я немного расслабляюсь. Как и мама, чувствую усталость. Сейчас бы прилечь. Вперед, Карл. Я ставлю пустую банку на ступеньку, встаю и прохожу оставшийся путь до второго этажа, упираясь руками в стены. Поверхность шершавая, она меня успокаивает. Сколько раз я вот так ходил, ощущая ладонями шершавость стен? Может, всегда так делаю, когда поднимаюсь?

Иду по коридору. Дверь первой комнаты открыта. Внутри двуспальная кровать. На полу валяется женская одежда. На комодке полным-полно бутылочек, баночек

и тюбиков с косметикой. За крайней дверью ванная. Я останавливаюсь перед средней. Сжимаю пальцы в кулак и запихиваю его в верхнюю дырку. Вокруг остается пространство. Его кулаки были больше моих. Кулаки старшего брата.

Я толкаю дверь и захожу в комнату.

Глава 2

В нос бьет запах затхлости. Не знаю, чем здесь пахнет, но вонь пробуждает во мне новые чувства. Всплывают смутные воспоминания о разных событиях. На полу, в метре друг от друга, лежат два матраса. Вещей в комнате немного. Одежда. Журналы. Пустые банки. В углу пара удочек.

Два матраса. Ни подушек, ни одеял, как было в больнице. Только спальные мешки: оранжевый и зеленый. Зеленый – мой. Откуда я это знаю? Сажусь поверх мешка. Потом за неимением других занятий залезаю внутрь, в одежду и обуви. Обеими руками застегиваю нейлоновые кромки, оставляя лишь щель для носа и глаз. Лежу на боку, смотрю на матрас Роба и на его смятый оранжевый спальный мешок.

Теперь я слышу звук застегиваемой молнии. Она прячет от меня брата. Пару секунд назад я видел лицо, покрытое озерной тиной, а теперь наблюдаю только черную поверхность пластикового мешка. Роб внутри.

Я закрываю глаза и оказываюсь под водой.

Передо мной сплетение рук и ног, они отчаянно молотят по воде. Вода набивается мне в легкие, те начинают болеть. Боль усиливается, становится нестерпимой. Я не могу дышать. Воздуха! Мне нужен...

Открываю глаза. Я один в грязной, сумрачной комнате. Я тяжело дышу. Такое ощущение, что воздух здесь несвежий. Второсортный. От него кислый привкус во рту. Я вспоминаю больничную палату: светлую, белую, чистую. Там пахло антисептиками. Я засовываю нос внутрь спального мешка и вдыхаю. Ловлю запах застарелого пота. Он мне противен, но одновременно придает

уверенность. Это мой запах. Мой спальный мешок. Вот так я пахну.

Но кто я? И кем был мой брат? Любил ли я его? А он меня? Судя по воспоминаниям на лестнице, нет.

Я думаю о том, что мне говорили. «Твой брат мертв. Произошел несчастный случай. Он утонул». Почему я ничего не чувствую? Должно быть, я чудовище, если мне даже не грустно.

Лежу. Уже стемнело, но свет из коридора струится в открытую дверь комнаты. Я смотрю и слушаю, пытаюсь впитать в себя все. Это место. Родной дом. В родном доме тихо. Снизу не доносится ни звука. Зато слышен включенный телевизор соседей. По улице идут люди, проезжают машины, хлопают двери. Над матрасом Роба на потолке темнеет прямоугольник. Стены испещрены надписями.

Мне кажется, я прилетел с другой планеты. Точнее, меня забросили в чужую жизнь и оставили ее продолжать. Хочу вернуться в больницу. Эта комната совсем не моя. Женщина внизу не моя мать. Утонувший парень не мой брат. Произошла ошибка. Ужасная, чудовищная ошибка.

Меня трясет. Я боюсь. Мне с этим не справиться. Я не хочу здесь оставаться.

Потом я снова вдыхаю запах – запах человека, спавшего в этом мешке ночь за ночью. Он говорит, что я ошибаюсь. Это мой дом. Мой мир, из которого мне не убежать.

Я обхватываю себя за плечи, сворачиваюсь калачиком, но расслабиться не могу. Инстинктивно высовываю из мешка руку, сую ее под матрас. Пальцы натываются на что-то плоское и твердое. Я вытаскиваю предмет из-под матраса. Слабого света из коридора хватает, чтобы разглядеть книгу в твердом переплете. Заглавие на обложке крупное: белые буквы на черном фоне. «О мышах и людях». Я ложусь на бок, открываю книгу на первой странице. При таком скудном свете не считаешь, но мне и не надо видеть строчки. Словно из тумана, затопившего память, всплывают слова: «В нескольких милях к югу от Соледада река Салинас подступает вплотную к горам. Вода здесь глубокая, зеленая и теплая, потому что река эта долго текла по желтым пескам, поблескивая на солнце, прежде чем образовать небольшую заводь»[1 - Цит. по: Стейнбек Дж. О мышах и людях / Пер. В. Хинкиса. М.: АСТ, 2013.].

- Си, да выключи ты этот долбанный свет.

- Я читаю.

- Ты уже шестьсот раз читал эту книгу.

- И что?

- А то! Погаси свет! Я жутко хочу спать.

Я прижимаю книгу к груди и, не вылезая из мешка, извиваюсь по полу, пока моя голова не касается оранжевого мешка Роба. Принюхиваюсь. Воняет. Как и мой. Но все же по-другому. Снова закрываю глаза и слышу дыхание брата.

- Си, пожелай мне спокойной ночи, - заявляет он.

Так он всегда делает перед сном. Делал. Так он всегда делал перед сном.

Требовал, чтобы я первым желал ему спокойной ночи, и я говорил:

- Спокойной ночи, Роб.

- Спокойной ночи, Си, - отвечал он.

Каждую ночь.

- Спокойной ночи, Роб, - произношу я, не открывая глаз.

Я устроился в промежутке между нашими матрасами. Моя голова на его матрасе.

Он дышит медленно и ровно. Постепенно и мое дыхание успокаивается. Книга падает на пол. Я отключаюсь и медленно погружаюсь в сон.

Глава 3

Просыпаюсь. Вокруг темно и тихо. Где я? Который час? Вопросы без ответов. Потом медленно возвращаются обрывки памяти.

Меня зовут Карл Адамс.

Мне пятнадцать лет.

У меня умер брат.

Последняя мысль грохочет в голове. Роб мертв. Мертв! Умом я понимаю: это огромное горе, но в душе никакого отклика, его смерть для меня – только слова. Всего-навсего слова.

Я помню, как засыпал в этой комнате, слушая его дыхание, его голос. Сейчас не слышу ничего. Тишина снаружи. Даже телик не орет. Только капает вода из подтекающего крана. Звук совсем слабый, но в доме так тихо, что я отчетливо слышу шлепанье капель. Плип, плип, плип. Как шаги секундной стрелки на часах.

Верх спального мешка намок от слюней. Со мной во сне такое бывает. Я отодвигаюсь, сажусь и тыльной стороной ладони вытираю рот. Голова болит, а в горле пересохло. Не без труда вылезая из спального мешка и бреду в коридор. Там по-прежнему горит свет. Иду в ванную, откуда слышится звук падающих капель.

Капает из крана холодной воды умывальника. Я открываю кран на полную, наклоняюсь, набираю в ладони воды и брызгаю в лицо.

Крик парня. Потом – девушки. Вода у меня на лице, в глазах и ушах. Бешено колотится сердце. Я совсем близко от них. Настолько близко, что вижу их руки и ноги, молотящие по воде. У парня от напряжения стиснуты зубы. Лицо девушки искажено ужасом.

Я отскакиваю от раковины и впотьмах ищу полотенце. Рука натывается на шнурок выключателя. Дергаю за него, вспыхивает свет. Хватаю с пола

полотенце, лихорадочно вытираюсь, после чего осматриваюсь. Я один. Ванная комната невелика: раковина, унитаз. Напротив за пластиковой занавеской собственно ванна с душем. Между плитками чернеет плесень. На потолке – она же. Сердце все еще колотится.

Я был на озере. Был там, когда мой брат утонул.

Я стараюсь глубоко дышать, втягивая холодный, влажный воздух, в надежде успокоиться.

Вода вовсю хлещет из крана. Струя ударяется в раковину, уходит вниз и булькает в канализационной трубе. Я не хочу, чтобы вода попадала мне на лицо и в глаза, но горло пересохло до невозможности. Закручиваю кран, превращая поток в струйку. Снова наклоняюсь, осторожно просовываю голову так, чтобы ловить воду ртом.

Вода холодная и чистая. Я гоняю ее во рту: между зубами, между деснами, по внутренней поверхности впалых щек, после чего выплевываю. Снова набираю полный рот воды и теперь проглатываю. Затем еще. Однако прохлада и свежесть почему-то не приходят. Я отчаянно хочу пить. Но чем больше пью, тем сильнее жажда. Я делаю струю побольше и глотаю, глотаю, глотаю воду. Вода выливается изо рта, брызги летят на щеки и подбородок.

«Си».

Кто-то произносит мое имя. Не выкрикивает. Звук абсолютно не похож на громкий плеск воды. Но имя прозвучало совсем рядом. Я выпрямляюсь, закрываю кран и оглядываюсь. Никого. Поочередно засовываю конец полотенца в каждое ухо, чтобы вытереть попавшую воду.

Такое ощущение, будто... нет, невозможно. Но слышал же я его голос вчера, когда засыпал. «Когда засыпал» – это важно. Если медленно проваливаешься в сон, границы реальности и грез стираются. Ты еще и бодрствуешь, но наполовину уже спишь. Однако сейчас я не сплю. Холодная вода прогнала дремоту.

Кто-то затеял со мной дурацкую игру.

Я подхожу к ванне и отдергиваю занавеску. Пусто. Во всей комнате пусто. Но кто-то здесь был... Я кого-то слышал.

Выхожу в коридор. Останавливаюсь. Прислушиваюсь. Тихо. Где-то вдали воеет сирена. Звук быстро гаснет, исчезает. Я иду в мамину комнату.

Осторожно захожу внутрь. Здесь не так темно, как в моей. Шторы не задернуты, и желтый уличный фонарь освещает узор обоев. Кровать пуста. На полу по-прежнему валяется мамина одежда и грязные тарелки.

Я знаю: мамы здесь нет, но на всякий случай окликаю ее. Никакого ответа.

Поворачиваюсь и возвращаюсь к себе. В нашу с Робом комнату с пробитой дверью. От мысли о ней меня слегка мутит. Что, если там кто-то прячется, поджидает меня? Но свет из коридора подсказывает: никого. Только два матраса с измятыми спальными мешками.

Зажигаю свет – обыкновенную лампочку, свисающую с потолка. Свет кажется нестерпимо ярким, а комната – меньше и угрюмее, чем прежде. Смотрю на часы. Десять минут четвертого. Должно быть, раннее утро. Иду к окну, раздвигаю шторы. Наши дома на ярус выше улицы с закрытыми магазинами, автостоянкой, освещенной уличными фонарями, и полосой травы, за которой начинаются другие ярусы домов. И ни души. Я ставлю локти на подоконник, упираю подбородок в ладони и смотрю на пустую улицу. Вроде не делаю ничего особенного, но все же становится спокойней. Похоже, я не раз вот так смотрел из окна.

Постояв немного, открываю верхнюю фрамугу окна. В металлической рукоятке проделаны отверстия. Просунув шпенек в одно из них, фиксирую рукоятку. Еще темно. Из приоткрытого окна струится свежий воздух и негромкие звуки спящего городишки. Они сливаются в общий, неразличимый фон.

Больше мне не заснуть. Как говорят, ни в одном глазу.

Я разглядываю пол и разбросанные вещи: футболки, носки, трусы. Границы нет, а потому неизвестно, какие шмотки мои, а какие – брата. Правильнее сказать, какие принадлежали ему. И еще не разберешь, где тут чистое и где грязное. Скорее всего, чистого вообще нет.

Тут же пустые коробки из-под еды, банки из-под кока-колы и конфетные обертки. Своеобразный суп. Я решаю упорядочить хаос. Носки складываю в одну кучу, футболки – в другую. Банки выстраиваю в ряд, как солдатиков. Зачем я это делаю? Наверное, чтобы хоть чем-то себя занять. Вскоре на полу проступают участки, застеленные ковром. Не знаю, какого цвета он был раньше. Сейчас ковер в основном серый с коричневыми пятнышками.

Настоящий мусор я складываю в старый полиэтиленовый пакет: целлофановые обертки, бумажки, куски жевательной резинки, которые удалось отколупнуть. И вот уже половина пространства между матрасами очищена. Я поднимаю клочок бумажки. Похоже, журнальная картинка, порванная. Мне уже попадались ее клочки, и я все сложил в мешок. Присмотревшись, понимаю: это не обрывки журнальной страницы. Бумага толще и с одной стороны белая. Да это же разорванная фотография! Переворачиваю клочок и вижу половину рта, подбородок и тень в верхней части шеи.

Лезу в мешок, выуживаю еще пару кусочков. Раскладываю их на полу, двигаю, пытаюсь совместить. Два совпадают. Теперь, кроме рта, появился глаз и половина носа. Лицо девушки. Где-то я ее уже видел...

Ищу другие куски снимка. Вытряхиваю все из мешка, но ни одного не нахожу. Оставляю мусор валяться грудой и бросаюсь на поиски обрывков фотографии. Каждую тряпку осматриваю, выворачиваю наизнанку, трясу. И новые обрывки обнаруживаются, словно трофеи. Часть загадки, которую мне нужно разгадать. Вот еще два обрывка. Серебряная цепочка на шее, верх футболки. В правом ухе девушки – две маленькие сережки; одна над другой. Не хватает левой стороны. Продолжаю поиски.

Обрывки разбросаны по всей комнате. Мне удастся найти почти все. Не хватает двух, но они, я так думаю, были крайними частями. Обойдусь и без них. Достаточно скоро я складываю все куски, собрав пазл. Награда – лицо девушки, очень красивой. Длинные темные волосы с пробором посередине. Пряди закинута за уши. Кожа гладкая; в отличие от моей – никаких прыщей. И потрясающие глаза. Темно-карие. От света лампочки они словно оживают. От них невозможно оторваться. Девушка надула губки и растянула щеки, глядя в объектив. Думаю, снимок она делала сама, держа аппарат на вытянутой руке.

На фото есть и надпись, в самом низу. Часть ее пришлось на отсутствующий обрывок, поэтому я вижу лишь: «Целую. Н...»

Целую.

Снимок находился в нашей общей с Робом комнате. Так кого она целовала?

Оглядываю комнату. Думаю о том, что мне известно о моей жизни. Вспоминаю, как вернулся сюда вчера. Кухню, где мама залпом пила пиво, а оно булькало у нее в горле. Потом возвращаюсь к собранному снимку и снова смотрю в глаза девушки. Очень хочется, чтобы слово «целую» адресовалось мне.

Но это невозможно. При нашей последней встрече девушка со снимка на меня накричала.

Я видел ее в машине «скорой помощи».

Глава 4

Девушка на фотографии. Девушка в машине «скорой помощи». Я должен узнать, кто она. Мне нужно с ней поговорить. Мама бы подсказала, но мамы в комнате нет. Оставляю собранный из кусков снимок на полу и выхожу на лестницу. Успеваю спуститься на одну ступеньку, как снова слышу звук капающего крана.

Плип, плип, плип.

Я ведь плотно его закрутил. Наверное, прокладка стерлась, или как называется эта штука?

Поворачиваюсь и иду в ванную. Так и есть: опять кран холодной воды в раковине. Заворачиваю его, насколько хватает сил. Почему-то у меня дрожат плечи. По спине бегут мурашки. В коридоре хлопает дверь. У меня замирает сердце. Осторожно выбираюсь в коридор. Это моя дверь. Дверь моей комнаты.

Сердце снова колотится. Гулко. Учащенно. На шее дрожит жилка. Пульс. Глубоко дышу, пытаюсь успокоиться, затем на цыпочках подхожу к двери, берусь за ручку и медленно, осторожно ее поворачиваю. Открываю дверь, заглядываю в комнату, вхожу и не без тревоги проверяю пространство между дверью и стеной. Разумеется, в комнате пусто. Единственное отличие: снимка, собранного по кусочкам, на ковре больше нет. Точнее, нет на одном месте. Обрывки вновь разбросаны по комнате. Несколько штук валяются на моем спальном мешке, примерно столько же – на мешке Роба. Такое ощущение, что кто-то поднял их и подбросил к потолку. Странно.

Подхожу к окну, высовываю руку. Ни дуновения. Закрываю фрамугу и снова подбираю обрывки фотографии. Будь у нас прозрачный скотч, их можно было бы склеить. Собрав кусочки, иду вниз, на поиски мамы и липкой ленты.

В гостиной горит свет. Мама лежит на диване. Звук хлопнувшей двери ее не разбудил. Отключилась. Рука с покалеченным пальцем свисает с дивана, указывая на пустую банку, уроненную мамой. Мама крепко спит.

Зрелище спящей матери пробуждает во мне очередное воспоминание.

– Отец сделал вот так.

Лезвие ножа Роба впивается мне в кожу, в ложбинку, отделяющую верхнюю фалангу мизинца. У брата холодные, жесткие глаза. Одно неосторожное слово, и он оттяпает мне часть пальца.

– Хорошо, я тебе верю.

– Но отец все проделал очень быстро. Прижал ее руку, взмахнул ножом и...

Я вздрагиваю, вспоминая, как Роб прижал мою руку. Меня снова передергивает от мысли, что маме пришлось пережить ужас на самом деле. Такое с годами не забывается. Воспоминания, впитавшиеся в стены, ядовиты, как воздух. Неудивительно, что мама поливает их пивом.

Останавливаюсь в дверях, совершенно не представляя, чем займусь теперь. Мне не хочется шебаршиться в гостиной, разыскивая ленту-скотч. Не хочется мешать

маме спать.

На телевизоре стоят семейные фотографии. Я на цыпочках прохожу мимо мамы и внимательно рассматриваю снимки. Три портрета в картонных рамках. На каждом – двое мальчишек. Краткий фоторассказ о том, как мы с братом росли. Три моментальных снимка. Три этапа жизни. Малыши, маленькие мальчики, подростки.

Помести нас в толпу из тысячи и даже миллиона человек, вы бы сразу заметили, что мы – братья. Одинаковые неопрятные волосы, одинаковые щелочки серо-синих глаз, чуть косящих с внешней стороны, одинаковые скулы. Братья, но не близнецы. Роб старше. Это заметно на каждом снимке. Он дерзок и самонадеян, чего не скажешь обо мне. Его голова слегка запрокинута, и в аппарат он смотрит сверху вниз. Совсем немного, но достаточно, чтобы заявить: «Да, я – Роб. И что дальше?» Я же на всех снимках смотрю не в объектив, а чуть в сторону.

Вспоминаю о зажатых в ладони обрывках фотографии той девушки. Если добавить ее к нашим снимкам, с кем бы она встала рядом? С Робом? Со мной? Посередине? Или впереди? Какое положение подошло бы ей лучше всего?

За мной храпит мама. Поворачиваюсь к ней. Она меняет позу, ложится на спину, но вскоре снова открывает рот и оглашает гостиную храпом, от которого дрожат стекла в окнах.

Она крепко спит. У меня никакого намека на сон. Мне не хочется стоять и слушать ее храп, но и подниматься к себе желания не имею. Хватит с меня капающих кранов, хлопающих дверей и пугающего присутствия тех, кого здесь нет и быть не может.

Обрывки фотографии запихиваю в карман джинсов и иду к входной двери. В прихожей сдергиваю с крючка куртку. Это моя или его? Неважно. Надеваю куртку. Потом, словно что-то припомнив, беру вторую, возвращаюсь на цыпочках в гостиную и накрываю маму. Потихоньку выхожу обратно в прихожую, осторожно отодвигаю задвижку и открываю дверь.

Во двор опять принесли цветы. Выйдя из дому, я тут же натыкаюсь на них. Они стоят на коврике, мешая проходу. Несу их в прихожую и оставляю там. Выхожу, плотно закрыв за собой дверь.

Это море цветов... Должно быть, Роба любили. Иначе зачем тащить цветы? Должно быть, его любили. Или же цветы несут маме... проявление сочувствия к женщине, потерявшей сына? Я по-прежнему не чувствую горечи утраты. Мысли крутятся вокруг дырок в двери, следов кулака Роба. Я вспоминаю его холодный взгляд, лезвие ножа, впившееся в мой палец. Или вся его злоба и ненависть ограничивались стенами нашего дома, предназначаясь нам с мамой?

Я миную двор, сворачиваю в бетонный проход, останавливаюсь, смотрю вниз. На гаражи и другие такие же домишки. Вокруг меня тихий, спокойный, желто-оранжевый мир. Воздух слегка пахнет шоколадом. Наверняка сегодня кондитерская фабрика работает в ночную смену. Задираю голову к небу. За пятнами света от уличных фонарей пытаюсь увидеть звезды, но не нахожу ни одной.

Вот и лестница. На несколько секунд я замираю, потом стремительно несусь вниз, перепрыгивая через ступеньки. Не закончив спуск, наклоняюсь в сторону и хватаюсь за бетонную стенку. Подпрыгиваю и перемахиваю через стену. Полет недолгий, всего два метра. Я приземляюсь не на ноги, а шмякаюсь на колени. Ладони шумно ударяются об асфальт. Несколько секунд сижу скрюченный, проверяя, не покалечился ли. Встаю, болит левая лодыжка и левое колено. Должно быть, ногу подвернул.

Оглядываюсь в надежде, что моего позорного приземления никто не видел. Похоже, обошлось без зрителей. Вытираю ладони о брючины. Джинсы не вчера куплены, но после моих рук они становятся еще грязнее. Бррр!

Смотрю на лестницу. Как же у Роба так ловко получалось? Вновь возникает картина из прошлого.

Он перемахивает через стенку, приземляется с кошачьей легкостью и принимается пританцовывать вокруг девушки.

- Привет, Нейша, - произносит он. - Как дела?

Затем берет ее за руку и тянет к себе. Она смеется. Длинные волосы мелькают в воздухе, а они с Робом кружатся по автостоянке, подчиняясь музыке, что звучит у них внутри. Музыку, под которую они танцуют, я не слышу.

Нейша.

Девушку зовут Нейша.

Заворачиваю за угол и иду на автостоянку. Возможно, она пробудит во мне новые воспоминания. Они никуда не делась. По-прежнему живут внутри меня. Врач мне говорил: «Это похоже на ящики в столе или в комод, которые тебе не открыть. Ты дергаешь все сильнее, а они не подчиняются. Не надо дергать. Через какое-то время они сами отпрутятся». Врач оказался прав. Дома я совершенно не помнил имя девушки. И вдруг оно всплыло в памяти.

Местность вокруг меня выглядит незнакомой, но я решил немного прогуляться и вернуться тем же путем.

Впереди что-то вроде луга, поросшего травой. Место отдыха. Освещена только дорожка, проложенная через луг. Трава, что попадает в круги света, ярко блестит. Чуть в стороне зелень уже темная. Из сумрака, словно призраки, возникают столбики ворот. Детская игровая площадка, окруженная невысокой металлической изгородью. Сейчас там пусто. Воздух густой. Влажный, но не настолько, чтобы закружиться туманом. Однако и сухим его не назовешь. Я догадываюсь, почему не видно звезд. Небо накрыто низкими густыми облаками.

Поднимаю воротник куртки, прячу руки в карманы и сутулю плечи, стараясь защититься от холодного и влажного воздуха. Дохожу до края луга. Дорожка не кончается, но дальше бежит между металлическими заборами садиков на задворках домов. Фонарей нет. Я не вижу собственных ступней, но продолжаю идти, доверяя ногам. Они обязательно меня куда-то приведут, и там будет светлее. Не может же путь вести в никуда.

Довольно скоро дорожка выводит меня в район небольших аккуратных квадратных бунгало. У дверей пандусы. Рядом цветочные клумбы. Этот кусочек города кажется искусственным, будто его собрали из конструктора «Лего» или похожего набора.

Квартал бунгало упирается в центральную улицу. Я вспоминаю: вчера мы проезжали его на такси. В три тридцать утра он выглядит совершенно иначе. У половины магазинов глаза витрин закрыты металлическими ставнями, а снизу еще и заперты на замок. Урны переполнены обертками, бутылками, рекламными

листочками и старыми газетами. К кроссовке прилипает комок мокрой бумаги. Я отбрасываю его и замечаю валяющуюся поблизости газету.

Местную, с моей фотографией на первой странице.

Они взяли снимок, где Роб смотрит сверху вниз, я чуть отворачиваюсь от объектива. Рядом фото Нейши, но другое, из школьного альбома. Волосы аккуратно зачесаны. Никаких сережек. Белая рубашка, галстук бордового цвета и кардиган.

Я сажусь на корточки и читаю статью, держа газету под светом фонаря.

«Полиция считает смерть местного семнадцатилетнего подростка Роберта Адамса несчастным случаем. Роберт погиб во вторник, утонул в озере кингслейского Имperiал-парка. Это произошло днем, примерно в половине пятого. Полицейские водолазы, прибывшие на место трагедии, извлекли из воды тело подростка. Медики „скорой помощи“ констатировали смерть.

Насколько известно, несчастный случай произошел во время купания в озере, где Роберт плавал с младшим братом, пятнадцатилетним Карлом, и их приятельницей Нейшей Гупта, шестнадцати лет. Подростки купались как раз в то время, когда на Кингслей обрушилась чудовищная буря и погодные условия резко ухудшились.

Вот что сказал Дейв Энтони, инспектор полиции Кингслея: „Предварительное расследование показывает, что Роберт стал жертвой несчастного случая. На озере есть опасное место, огороженное предупреждающими знаками. Однако местная молодежь часто купается там, пренебрегая опасностью. Скорее всего, Роб заплыл туда, но не смог выбраться, что и привело к его смерти. Когда двое других купальщиков придут в себя, мы рассчитываем узнать от них все подробности. Мы скорбим вместе с родными и друзьями Роба Адамса“.

Как нам стало известно, вскоре будет произведена аутопсия тела Роба. Патологоанатом обещал представить отчет о результатах вскрытия.

На момент подготовки статьи мать Роберта – тридцати четырехлетняя Керри Адамс – была настолько шокирована трагедией, что мы не решились тревожить ее расспросами».

Я читаю статью еще раз, медленнее, вчитываясь в каждое слово. При первом беглом прочтении от меня ускользнуло много подробностей. Я и без газетчиков знаю, что брат утонул в озере. Теперь вижу, сколько всего пропустил. В статье указано не только имя Нейши, но и фамилия – Гупта. Ей шестнадцать лет. На озере случилась буря. Полиция хочет меня расспросить. Медики должны произвести (а может, уже произвели) вскрытие тела Роба. Журналисты пытались говорить с мамой.

Я стараюсь переварить прочитанное. Почему-то мой разум усиленно цепляется за слово «вскрытие». Они что же, распоросуют тело Роба? Мне не хочется об этом думать, но мысль прочно застряла в голове. Я вспоминаю черный мешок и молнию, которую застегивают, закрывая его лицо и голову. Они разрежут его, заглянут внутрь. Я снова смотрю на фото, и мне никак не связать одно с другим. Парень-школьник: дерзкий, нагловатый – и... тело, распластанное на хирургическом столе. Чушь какая-то.

Капля падает в самую середину снимка. Я поднимаю голову, и ее сестра ударяет мне по лицу, рядом с правым глазом. Легкая, холодная дождевка. Несколько капель барабанят по снимку. Начинается дождь.

Дождь беспрестанно колотит по поверхности воды, поднимая тончайшие брызги. Кажется, все озеро кипит. Я больше не вижу берега, не вижу ничего и никого. Дождь вгоняет меня в озеро, а озеро тянет на дно. Роб и Нейша исчезли. Я их не вижу и не слышу. Работаю руками и ногами, верчу головой во все стороны, пытаюсь разглядеть и расслышать хоть что-то сквозь сплошную стену дождя. С каждым вдохом я глотаю воду. Она проникает в горло. Я ее выплевываю, снова вдыхаю, и вода вновь заполняет рот.

Не хочу под дождь. Не хочу мокнуть. Меня охватывает страх. В горле застрял комок. Бешено колотится сердце, прошибает пот. Ноги трясутся. Прочь отсюда. Надо где-то спрятаться.

Я сворачиваю газету, запихиваю внутрь куртки и пускаюсь бежать. Дождь усиливается. Впереди кто-то ныряет под навес магазина. Кому-то, как и мне, в этот час не спится. Я почти домчал. Это магазин уцененных товаров. Над двойными дверями широкий навес. Меня вдруг охватывают сомнения: хочу ли оказаться на узком пяточке рядом с совершенно незнакомым человеком?

Опять картина из памяти... Вода, заливающая глаза, нос и рот. Она стремится пролиться в горло... Скорее туда, где сухо.

Вбегаю под навес. Там пусто. Должно быть, любитель ночных прогулок зашел в магазин, однако внутри темно. Магазин закрыт. Меня пробирает дрожь. Что-то здесь не так. У меня промокло лицо, волосы и руки. От холодного дождя начинаю зябнуть.

Я смотрю на проезжую часть улицы. Дождь хлещет как из ведра. Капли пляшут на асфальте. Я закрываю глаза и вспоминаю, сам не зная как, что раньше любил этот звук. Мне нравилось, когда дождь барабанил в окно, а я в сухости и тепле слушал его звуки. Но сейчас песня дождя больше похожа на вой сирен. Дождь воет у меня в голове и торопливыми пальцами тянется к моему животу. С волос на щеку стекает крупная капля.

«Ну и идиот же ты, Си».

Голос где-то поблизости. Он угрожает. Он рядом со мной, шепчет на ухо. Я открываю глаза, оглядываюсь. Кто говорил? Кто здесь?

Я один. Передо мной пустая улица, сзади – темное здание магазина. Я снова вздрагиваю. Мне страшно. Испугаешься тут, когда слышишь и видишь то, чего нет. Дождь и не думает слабеть, но я решаю выйти и бежать домой, несмотря на стихию. Здесь недалеко.

Поднимаю воротник, выскакиваю из-под навеса и мчусь по тротуару. Дождевая вода превращается в ручейки, которые торопятся к сточным канавам. Вода попала мне за шиворот, растекается по плечам. Ноги шлепают по тротуару. Я бегу по лужам. За спиной слышатся шаги. Я оборачиваюсь, но никого нет. Центральная улица принадлежит сейчас мне. Мне и дождю. Должно быть, я слышу звуки собственных шагов. Точнее, их эхо, отраженное от стен домов.

Вода хлещет в лицо, ударяет по макушке и струйками стекает вниз. Она кажется живым существом, обитающим между моим телом и одеждой. Что-то ползет по коже. Я громко вскрикиваю.

Ярчайшая вспышка света озаряет всю центральную улицу. Так светло не всегда бывает даже днем. Вспышка гаснет, а через пару секунд слышатся глухие раскаты грома.

Я добираюсь до квартала бунгало, заворачиваю за угол, поскользываюсь и падаю на траву. Шлепаюсь неуклюже, задев колени, поврежденное при прыжке с лестницы. Успеваю выругаться и выбросить вперед руки. На них и приземляюсь, но проезжаю еще немного по глине, пока не зарываюсь в нее лицом. Из всех запахов остаются только ароматы глины и дождя, молотящего меня по затылку. Мелькает мысль: «Это повторяется. Я снова тону».

Поворачиваю голову и вижу лицо Роба: белое, безжизненное, перепачканное в озерном иле. И неумолимо ползущий бегунок, что закрывает мешок.

Поднимаюсь на ноги. Конечно же, его здесь нет. Здесь вообще никого, кроме меня. Других идиотов, вылезших ночью погулять под дождем, нет. До моего дома всего пять минут. Но дождь теперь хлещет вдвое сильнее. От грома у меня вот-вот лопнут уши. Небеса трещат, выворачиваясь наизнанку.

Я ныряю под крыльцо ближайшего бунгало, прислоняюсь к двери, выкрашенной в голубой цвет. Хочу вытереть лицо, но у меня перепачканы ладони. Вытираю их о джинсы и лезу в карманы куртки – не найдется ли матерчатого или бумажного носового платка. Карманы глубокие. Пальцы нашаривают смятый платок. Им уже попользовались. Интересно, чьи сопли: его или мои? Так ли это важно? Насколько возможно, вытираю ладони и снова засовываю их в карманы. Помимо платка, я нашел еще кое-что.

Вытаскиваю пачку сигарет и зажигалку.

Двое парней на озере. Пьют и курят. Смеются, греясь на солнышке. Я и Роб.

Дрожащими руками достаю сигарету. Зажигалка пляшет, и мне не сразу удастся прикурить. Втягиваю в себя дым. Он заполняет мое горло, как до этого заполняла вода. Снова трудно дышать. Я задыхаюсь, кашляю, наклоняюсь и

сплевываю, пытаюсь продышаться. Не распрямляясь, бросаю сигарету и втоптываю ее в землю. «Двое парней на озере», – с невеселой усмешкой думаю я. Один из них курит, но это не я.

Значит, сигареты Роба. Его и куртка.

Я снова лезу в карманы и на этот раз вытаскиваю мобильник. Дешевая штучка с сенсорным экраном. Разворачиваю мобильник, нажимаю нижнюю кнопку. Экран оживает.

Я чувствую себя виноватым, а от чувства вины мне не по себе. В мобильниках хранятся имена, номера, сообщения, картинки. Там хранятся жизни их владельцев.

Пролистываю адресную книжку. Номеров мало, едва ли дюжина наберется. Один из них – Нейши Гупта.

Перехожу в раздел сообщений: «Входящие», «Отправленные». Как водится, самые последние сообщения – в верхней части экрана.

Сообщение, отправленное на номер Нейши в 13.29: «Ты там будешь? 3.30».

Ее ответ, пришедший в 13.32: «Я уже говорила, что буду. Забыл?»

Отрываюсь от освещенного прямоугольника, поднимаю голову. Вокруг темный и мокрый мир. Когда глаза привыкают к темноте, за пеленой дождя замечаю бледную фигуру. От крыльца до нее метров пятнадцать или двадцать. Напрягаю зрение, чтобы получше рассмотреть, но фигура исчезает.

«Он знает, что я добрался до его телефона», – думаю я...

Что за чушь? Он же мертв. Роб мертв.

Экран переходит в режим ожидания. Теперь в нем слабо отражается моя физиономия. Нажатием другой кнопки возвращаю его к жизни и лезу в меню.

Галерея. Первый снимок – копия бумажного, чьи обрывки лежат у меня в кармане. Нейша, надув губки, смотрит в аппарат. На экране ее изображение выглядит более живым и реальным. Я смотрю на нее, и у меня замирает сердце. Она красивая. Сексуальная. Но теперь у меня нет ни малейших сомнений: это фото Роб снимал на свой мобильник и она смотрела в его телефон. Смотрела на Роба.

Нейша Гупта, девушка Роба.

Веду пальцем по экрану, вытаскивая следующий снимок. На нем не только ее лицо. Снято в спальне, но не в нашей. Нейша в трусиках и лифчике сидит на кровати, наклонившись в сторону объектива. Одна ляжка сползла с плеча. Нейша больше не надувает губки, но и не улыбается. У нее растерянное лицо, словно она не знает, что делать дальше. Но я смотрю не на лицо.

Потными пальцами перелистываю дальше. На третьем снимке Нейша улыбается. Не широко, уголками рта. В глазах испуг. Ее левая щека краснее правой. Я почему-то вспоминаю, как вчера мама ударила меня в такси. Глаза Нейши смотрят с мольбой. О чем она просит? Снимок делался не для меня. Я чувствую себя негодяем, влезшим в чужую жизнь, но продолжаю смотреть. Не могу оторваться. Мои глаза наслаждаются плавными линиями ее тела, теплым медовым оттенком ее кожи. Роб сфотографировал ее с медальоном в виде сердечка на серебряной цепочке. Сердечко застыло между голых грудей.

«Отдай мне твой медальон, и я уйду».

Голос Роба врывается в память. Обрывок еще одного воспоминания. С чем оно связано? Он говорил не с Нейшей. Тогда с кем?

Позади слышится шум. Я быстро выключаю мобильник и запихиваю его в куртку. В окне бунгало вспыхивает свет. Только этого не хватало!

Дождь ослабевает. Я поднимаю воротник куртки и убегаю. Недавно просмотренные снимки обжигают чувством вины. Меня выносит на луг, и только там я останавливаюсь, думаю о зажегшемся свете, смотрю на ряды аккуратных бунгало, построенных по краям луга. Эта картина пробуждает новое воспоминание.

Темный дом. Я стою позади Роба. Слышу собачий лай. Он сменяется визгом, собака замолкает. Роб уже в первой комнате... Я вхожу и замечаю на полу между нами что-то неподвижное, похожее на собаку.

– В чем дело, Уинстон? – слышится дребезжащий старушечий голос.

– Роб, сваливаем отсюда. Немедленно! – шепчу я.

И тогда вспыхивает свет.

Я останавливаюсь. Оглядываюсь. Я стою в середине луга. Справа – детская площадка. Слева – уродливая конструкция из параллельных металлических прутьев. В ней не спрячешься ни от дождя, ни от ветра.

В оцепенении взбираюсь на эту конструкцию и усаживаюсь на ее прутья. Естественно, они совершенно мокрые, отчего мои джинсы намокают еще сильнее. Дождь теперь мягко шелестит, но я его не слышу. Слышу отчаянный визг собаки, звенящую тишину и голос старухи. Она умоляет Роба, потом обрушивает на него проклятия. А еще я слышу свой голос, переполненный паническим страхом.

Меня мутит. Кирпичная стена в голове, пустота... они были лучше прорывающихся воспоминаний. Может, потому я все и забыл? Скорее всего, это и стало причиной потери памяти. Правду лучше всего забывать.

Я не чувствую, как дрожат прутья. Не слышу никаких звуков, кроме дождя, однако понимаю, я снова не один. Кто-то совсем рядом. Я ощущаю его и вздрагиваю, думая о тени, нырнувшей под навес, и о бледной фигуре на улице.

Заставляю себя обернуться и посмотреть сквозь металлические прутья. И подсакиваю. На меня смотрит его лицо. Глаза уставились на меня. Губы шевелятся.

«Ну и идиот же ты, Си».

Стоит мне моргнуть, и он исчезает.

Черт бы подрал это место. Нужно выбираться отсюда. Возвращаться домой. Я схожу с ума. У меня едет крыша.

Спрыгиваю, бреду дальше, потом бегу, озираясь по сторонам. Добираюсь до бетонной лестницы, поднимаюсь к проходу. В другом кармане нащупываю связку ключей. Вернувшись в дом, быстро иду наверх. Я не проверяю комнату, а сразу вхожу, бросаю куртку на пол, стаскиваю с себя мокрую одежду, хватаю из кипы сухую футболку и вытираю ею волосы. Потом падаю на матрас. Я лежу на правом боку, лицом к стене, чтобы не видеть спального мешка Роба, и плотно закрываю глаза.

На этот раз, засыпая, я не слышу его дыхания. Не слышу голоса, требующего пожелать ему спокойной ночи. Но потом у меня в мозгу что-то щелкает, и, прежде чем отрубиться, я шепчу: «Спокойной ночи, Роб». Это последнее, что я слышу, – звук собственного голоса... и стук капель из подтекающего крана в ванной.

Глава 5

Мне снятся беспокойные сны. Даже не знаю, сплю я или бодрствую, что реально, а что нет. Сны обо мне, о Робе и Нейше. Я вижу ее то одетой, то раздетой. Когда окончательно просыпаюсь, меня сразу же ударяет мысль: «Мой брат мертв. Роб мертв».

Я лежу в нашей комнате, на своем спальном мешке, а Роб мертв. Теперь слова начинают приобретать смысл. Он был мертв вчера. Он мертв сегодня. Это что же, так будет всегда? Изо дня в день? Каждое утро эта мысль станет бить меня, как кувалдой? И так до конца жизни?

В комнате светло. Я высовываю руку из потного, липкого спального мешка, шарю по полу, нахожу часы. Они показывают десять минут четвертого. Я трясую головой и смотрю снова. С часами все в порядке. Секундная стрелка движется по циферблату. Я проспал все утро и часть дня.

Вылезаю из спального мешка, даже не подумав его расправить. Полоса окна между шторами запотела, скрыв от меня внешний мир. Тащусь в ванную, стараясь не напрягать ушибленную левую ногу. Кран холодной воды по-прежнему подтекает, даже сильнее.

Ловлю в зеркале свое отражение, и у меня перехватывает горло. Овал лица, угол серо-синих глаз, рот и полосы грязи. Вылитый Роб. Лицо, которое смотрело на меня, пока не закрыли мешок: остановившиеся глаза, бледная, перепачканная кожа.

Но я не Роб. Это я помню. Я похож на него, и только. Мы вместе были на озере, мы боролись в воде... однако я остался жив.

А грязь на лице... я вспоминаю, что возле бунгало поскользнулся и упал. Меня передергивает. Но это всего лишь глина, которую легко смыть. Я могу начисто отмыть лицо. Тянусь к крану горячей воды и морщусь от боли в ладони. Она вся в порезах и ссадинах. Там, где содралась кожа, образовалась ярко-красная пленка, до которой особенно больно дотрагиваться. Я затыкаю раковину пробкой и хочу открыть кран, но останавливаюсь, вспоминая, что? происходило минувшей ночью, когда я мыл лицо.

Воспоминания. Голос.

Но это было глубокой ночью. Тогда я был уставшим. Сбитым с толку.

На всякий случай оборачиваюсь. Естественно, в ванной я один.

Смотрю, как из холодного крана капает вода, образуя лужицу на дне раковины, и меня охватывает тревога.

«Хватит валять дурака. Умойся. Посмотри на себя. Дикарь дикарем». Голос в моей голове побуждает меня сдвинуться с места.

Я открываю кран горячей воды на полную мощность. Вода с шипением устремляется в раковину. Я сую ладонь под струю, проверяя температуру. Смотрю, как наполняется раковина, но успеваю заметить в зеркале движение за спиной. Все исчезло прежде, чем я успел сообразить, видел ли что-нибудь или

мне померещилось. Но грудь сдавливают позывы на рвоту. Верхняя губа покрывается потом. Я резко оборачиваюсь.

Ванная пуста.

Возвращаюсь к раковине. «Давай мойся. Это же так просто». Вода почти дошла до решетки защитного слива. Я закрываю горячую воду и снова плотно заворачиваю кран холодной воды. Он прекращает капать. Погрузив руки в воду, наклоняюсь и плещу себе в лицо.

Она кричит. Его руки сомкнулись на ее горле. Она вцепляется в них, пытаюсь освободиться. Я еще раз глубоко вдыхаю и плыву к ним. Высовываю голову. Дождь хлещет по озеру, оживляя воду и мешая мне смотреть. Но я и сейчас слышу ее крики. Отчаянные и пронзительные.

У меня взмокла спина между лопатками, свело живот, оглушительно стучит сердце. Почему я так разволновался? Это всего лишь воспоминание. А в реальности я стою в ванной и собираюсь отмыть лицо. Я заставляю себя взять кусок мыла, намыливаю руки, наклоняюсь к раковине и отчаянно тру лоб, щеки, подбородок и кожу вокруг глаз.

Очиститься. Смыть с себя все это.

Еще раз плещу воду в лицо, смываю мыло. Когда открываю глаза, то вижу, что вода в раковине стала мутной, однако по-прежнему заметен черный кружок затычки на дне. И не только. Из раковины на меня смотрит лицо.

Его лицо. Смертельно бледное. Со следами грязи.

- Нет!

Пячусь, на ощупь хватаю полотенце, вытираюсь, затем чуть-чуть наклоняюсь к раковине. В воде бледная тень, контуры лица и шеи. Изображение дрожит. Я наклоняюсь ниже. Изображение становится больше. Еще ниже. Оно тоже увеличивается.

Так это же я, только и всего. Отражение моего лица на мутноватой водной поверхности.

Вытаскиваю пробку и наблюдаю, как утекает вода. Потом люблюсь на себя в зеркало.

Как узнать, не сходишь ли ты с ума? Что-то меняется в твоём облике? Можешь ли ты это понять по своим глазам?

Глава 6

В гостиной настоящий развал. Пустые банки валяются там, куда вечером их бросила мама. Куртка, которой я ее накрывал, тоже на полу. Но мамы в гостиной нет. Нет ее и в кухне. Подхожу к лестнице.

– Мама! – кричу я.

Взбегаю вверх, стучусь в дверь ее комнаты.

– Мам, ты здесь?

Ответа нет. Распахиваю дверь, вхожу. Кровать пуста, покрывало сброшено на пол. Ковер устлан скомканными салфетками, между ними валяются пустые банки. А мамы нет. Куда же, черт возьми, она подевалась? Я только вчера вернулся из больницы. Куда ее понесло?

Ужасно хочется пить. И есть. Но в доме едой и не пахнет. Из питья только вода, пиво и обезжиренное молоко. А мне необходимо взбодриться и включить мозги. Нужно то, что дает энергию. Словом, что-то вроде кофе.

Поднимаю с пола куртку, брошенную ночью, и сбегаю вниз в поисках денег. Где-то наверняка лежат наличные. Неприкосновенный запас, положенный в коробку из-под печенья или спрятанный в кухонном шкафу. Торопливо обыскиваю кухню и гостиную. Протискиваю руку за диван. Между подушками нахожу пятнадцать пенсов. И все. Опускаю монеты в карман джинсов.

Выхожу из гостинной, надеваю куртку и проверяю карманы. Пальцы натываются на мобильник. Меня снова захлестывает жгучее чувство вины. Сейчас я ничего не буду смотреть. Я ищу деньги. Сосредоточиться. Помимо пачки сигарет и зажигалки, обнаруживаю гладкий тяжелый предмет. Даже не глядя, я знаю, что? это. Складной нож. Я вижу его в руке брата, тот щелкает лезвием, выдвигая и убирая. Нож меня не касается. Продолжаю искать деньги, роюсь в складках карманов. Ни монетки. Дерьмово.

Выхожу из дома, закрываю дверь. Мне нужна еда, но я совершенно не представляю, как ее добыть. Осторожно пробегаю по проходу, спускаюсь по ступенькам. Сегодня никаких прыжков. Возле гаражей малышня играет в футбол. Увидев меня, они прекращают игру и смотрят. Молча стоят и глазят. Один мальчишка хватает мяч и крепко прижимает к груди.

Заворачиваю за угол и захожу в первый же магазин (на улице они тянутся один за другим). Кажется, здесь торгуют всем: газетами, туалетной бумагой, конфетами, хлебом, выпивкой. Конечно, если у тебя есть деньги. У меня их нет, мелочь не в счет. Может, повезет и мне отпустят в долг?

Продавец за прилавком замечает меня, едва я захожу.

– Минутку, – говорит он покупателю, затем нагибается через прилавок и кричит мне: – Ты никак забыл, что дверь в мой магазин для тебя закрыта? Надоело покрывать убытки от украденных товаров!

Я чувствую, что краснею. Все люди в очереди смотрят на меня. Еще бы: этот дядька прилюдно обозвал его вором.

– Я всего лишь хочу купить немного еды. – Я стараюсь оставаться спокойным.

Быть может, уговорю его отпустить мне товар в долг, а мама потом заплатит.

Дядька качает головой.

– Только не здесь, – отрезает он.

– Пожалуйста. Я хочу есть и пить. В доме у нас ничего нет. Мама так и не выбралась в магазин с тех пор, как... вы сами знаете.

Его лицо смягчается. Двое покупателей отворачиваются. Женщина возле кассы смотрит на меня с сочувствием. Они всё знают.

– Мне банку кока-колы и хлеба. Или чего-нибудь вместо хлеба, – говорю я.

– Ладно, – неохотно кивает дядька. – Только давай быстрее.

Я открываю шкаф-холодильник и тяну время, делая вид, что выбираю. Убедившись, что хозяин снова занялся покупателями, запихиваю в карман одну банку кока-колы и беру вторую. Мои движения быстры. Рука движется сама. Должно быть, когда-то я уже воровал в магазинах. Противно, но у меня всего пятнадцать жалких пенсов. Если дядька не даст в долг, я хотя бы смогу выпить кока-колы.

Иду дальше, беру упаковку нарезанного белого хлеба, банку тушеной фасоли, после чего встаю в очередь.

– Дорогой, давай я тебя пропущу, – говорит покупательница у кассы. – Вы ведь не станете возражать? – спрашивает она у очереди.

Двое покупателей бормочут что-то вроде «да». Я не решаюсь встать впереди и пристраиваюсь за нею. Я до сих пор не представляю, как буду уговаривать хозяина.

– Вы отпустите мне это в долг? – спрашиваю напряженным голосом.

Он смотрит на меня так, словно ослышался.

– Что-о?

– Я просил отпустить мне в долг. Мама куда-то ушла и забрала с собой все деньги.

Он протягивает руку и выхватывает у меня банку тушеной фасоли. Надо быть полным идиотом, чтобы попытаться устроить этот спектакль. Но что еще мне оставалось?

- Как тебя угораздило прийти ко мне в магазин без денег? Вроде уже не маленький.

Он говорит слишком громко и брызжет слюной на руку, в которой зажата злосчастная банка.

За спиной слышится недовольное бормотание, но все та же женщина открывает кошелек, вынимает двухфунтовую монету и протягивает мне.

- Все в порядке, Ашраф, - говорит она. - Карл, расплатись за покупки.

Ашраф смотрит на женщину как на рехнувшуюся.

Я благодарно ей улыбаюсь, кладу монету на прилавок и подталкиваю к Ашрафу.

Он сердито выдыхает, берет монету так, словно она заражена СПИДом, затем высыпает сдачу. Я смотрю на деньги, потом на женщину.

- Бери, бери, - кивает она. - Это твои деньги. Как твоя мама?

Злая. Плачущая. Пьяная. А теперь еще и неизвестно куда ушедшая. Меня душат слезы. Женщина отнеслась ко мне по-доброму. Я к такому не привык.

- Она оправилась, - вру я. - У нее все нормально.

- Передай ей привет от меня, - просит женщина. - Скажи, что Сью из прачечной посылает ей свою любовь.

Я киваю, опускаю сдачу в карман и тороплюсь уйти из магазина, унося покупки в тонком полиэтиленовом мешке. На улице сразу же открываю банку кока-колы. Она холодная, сладкая и здорово насыщена газом. С первого же глотка мне покалывает язык. Я жадно пью, идя к лугу. Углекислый газ стреляет в нос, и из тумана памяти выплывает очередное воспоминание.

Я передаю ей банку. Она делает большой глоток и быстро возвращает мне. После смеется и машет рукой перед лицом.

- Что случилось?

- Кока-кола в нос ударила. Это научит меня пить ее побыстрее.

Я подношу банку к губам, слизывая капли, оставшиеся у ободка. Я знаю: мои губы касаются пятен губной помады, оставленной ее губами.

Она вытягивает ноги и откидывается на спинку парковой скамейки, закладывает руки за голову. Солнце светит нам в лицо. Она закрывает глаза.

- Как это приятно, - улыбается она.

Я глаз не закрываю. Потягиваю кока-колу и смотрю на Нейшу. На ее красивое лицо, освещенное солнцем.

Луг полон детей. Маленькие играют на площадке. Те, что постарше, одеты в форменную одежду. Они просто слоняются вокруг или качаются на автомобильной шине, прилаженной кем-то к дереву. Все они появляются здесь из одного места. Проходит целая минута, пока я догадываюсь: они возвращаются из школы.

Школа. Мама ничего о ней не говорила, а я начисто позабыл о школе. Вряд ли это важно. Вряд ли кто-то ждет, что я буду сидеть на уроках и слушать учителей, когда у меня утонул брат. Мне пятнадцать лет. Я даже не помню своих друзей-одноклассников. Если они у меня были. Возможно, я больше не пойду в школу.

Приваливаюсь к дереву и допиваю кока-колу. Что-то щиплет глаза. Я понимаю, что готов снова заплакать.

Утыкаюсь взглядом в землю перед собой и ковыряю ее носком кроссовки. Потом швыряю пустую банку в урну. Прوماхиваюсь, но поднимать ее не собираюсь. Поворачиваюсь и иду домой, продолжая глядеть в землю.

– Намусорил и уходишь?

Я вскидываю голову. Ко мне идет женщина в полицейской форме. Молодая. Моложе мамы. Крепкого телосложения, с рыжеватыми вьющимися волосами, которые упрямо выбиваются из-под форменной шапочки.

– На этот раз я сама подниму.

Она нагибается, берет банку и бросает в урну, затем подходит и встает рядом со мной.

– Как дела, Карл? Меня удивило, что ты уже гуляешь. Ты ведь только вчера вернулся домой, правда?

Кажется, ей известно обо мне все, а я понятия не имею, кто она такая. Может, и знаю, но не помню. Зато вспоминаю, что у меня в кармане украденная банка кока-колы, сигареты, нож и мобильник с фотографиями Нейши.

– У меня все в порядке. – Я отвожу взгляд.

– Я к вам сегодня заходила, но дома никого не было, – отвечает полисменша. – Нам нужно поговорить с тобой о том вторнике. Я знаю, в больнице ты с кем-то общался, но для нас это важно. Необходимо снова коснуться этой темы. Ты ведь сейчас идешь к себе?

– Да, но я не уверен...

Я не уверен, дома ли мама. Не знаю, куда она ушла и вернется ли.

– Хорошо. Я тогда позвоню твоей маме. Узнаю, когда удобнее зайти. Но нам надо поговорить сегодня. Чем раньше, тем лучше.

Голос у нее добрый, но мне от него тревожно. Что ей нужно? Мне нечего сказать. О том, что помню... про такое полицейским не рассказывают.

– Ладно, звоните, – мямлю я и поворачиваюсь, чтобы уйти.

– Я очень опечалена смертью Роба, – говорит полисменша.

Я останавливаюсь, но смотрю не на нее, а в землю.

– Нам с ним не всегда было просто, но я потрясена случившимся. Это так ужасно.

Вяло киваю и иду дальше. Скорее бы убраться отсюда.

– Мы сегодня еще увидимся? – спрашивает она.

– Да, конечно, – отвечаю я.

И пускаюсь бежать к дому, но вынужден остановиться. Живот переполнен, и я боюсь, что меня вытошнит. Бег с кока-колой не дружит.

В доме пусто. Делаю несколько глубоких вдохов, как меня учили в больнице, чтобы вытолкнуть из головы мысли о маме, Робе, полиции, Нейше. М-да, Нейша. Мне ужасно хочется достать мобильник и снова посмотреть ее снимки, но в животе отчаянно урчит. Я уже не помню, когда в последний раз ел. Голод отодвигает все тревожные мысли. Надо срочно что-нибудь приготовить, пока желудок не устроил мне бурю. Открываю пакет с хлебом, пихаю пару кусков в тостер и нажимаю рычаг. Никакого результата. Щелкнув, рычаг снова поднимается. Тостер отказывается поджаривать мой хлеб. Ничего, поджарю на гриле. Он ведь электрический; главное – найти нужную кнопку, и он заработает. Интересно, получится ли у меня? Получилось! Целых четыре куска насажены на вертел и теперь аккуратненько поджариваются. Пора заняться фасолью. Достая из шкафа сковородку, ставлю на плиту, зажигаю газ, открываю банку и вываливаю ее содержимое на сковородку.

Иду в гостиную и включаю телевизор, чтобы в голову снова не полезли мысли о полисменше. Попадаю на передачу о еде. Смотрю, как парень на экране ловко крошит овощи и жарит их. На другой сковороде уже с шипением готовится мясо. Он переворачивает куски, добавляет специи и поливает соусом. Сказать по правде, выглядит аппетитно. Не могу отвести глаз от телика. Желудок пинает меня изнутри, требуя настоящей еды. Повар выкладывает свою стряпню на большое белое квадратное блюдо и наклоняется, нюхая кушанье.

Я вдыхаю вместе с ним, ожидая почувствовать запах мяса, лука и чего-нибудь еще. Но в горло лезет горький, удушливый дым. А-а, черт! Мчусь в кухню. Над плитой поднимается и плывет сизый чад. Хватаю сковородку. Она обжигает мне пальцы. Стаскиваю ее с огня и опрокидываю на пол, на кучу увядших цветов. Пластиковые ведерки шипят и плавятся. С грилем дела не лучше. Хлеб превратился в уголь. В цветах – черное месиво. Фасолины исчезли. Что же со мной творится? Я всего лишь хотел приготовить нехитрую еду. Я жутко голоден. И боюсь, на этот раз не сдержусь и зареву.

Почему мама ушла, не приготовив мне поесть? Почему вообще не научила меня готовить? И куда она подевалась?

Я торчу посреди кухни, опустив руки, и реву, как маленький.

– Карл!

Мама стоит в дверях кухни, глядя на сотворенный мною бардак.

– Что это такое? Может, расскажешь, что ты здесь устроил?

Глава 7

– Мам, я проголодался. Еды в доме не было, и ты ушла. Что мне оставалось делать?

Я сержусь на нее, и мой голос все громче с каждым словом.

– Где ты была? Мама, я тебя спрашиваю: где ты была?

Она не отвечает. Просто стоит. Я вдруг замечаю, что она держит в руках по бело-синему мешку из супермаркета «Теско». Оба доверху набиты едой. Ее лицо вытянулось еще сильнее, а морщины стали глубже. Волосы тусклые и сальные. Она завязала их в конский хвост, но несколько прядок все равно свисают со лба. Ей тридцать четыре года, но выглядит она на все пятьдесят.

- Где ты была? - спрашиваю снова.

Я охрип от крика.

- Ходила узнать насчет похорон.

Я чувствую, что куда-то проваливаюсь. Похороны! Как же я о них забыл?

Переступаю через валяющуюся в цветах сковородку и, стараясь не задеть цветов, подхожу к маме, беру у нее мешки и отношу на стол. На плите до сих пор шипит зажженная конфорка. Гриль тоже включен. Закрываю газ, выключаю гриль, потом открываю окно.

Мама продолжает стоять, отрешенно разглядывая кухню.

- Ты присядь, - предлагаю ей.

Мама бредет к столу, медленно садится.

- Пить хочешь? - спрашиваю.

Она кивает. Я хватаю чайник, иду к мойке и останавливаюсь. Мне боязно открыть кран. Глупость, конечно, но ничего не могу с собой поделать.

- Нет, не чай, - выручает меня мама и указывает на холодильник.

Я облегченно выдыхаю, ставлю чайник на разделочный стол, достаю из холодильника банку пива и протягиваю маме. Она качает банку в руках и почему-то не открывает. Я тянусь через стол и сам открываю банку.

- Спасибо. - Мама делает глоток. - Мне там надавали кучу бумажек. Посмотри.

Она открывает сумочку и достает пачку буклетов. «Когда умирает ребенок»... «Тяжелая утрата имеет свои преимущества»... «Путеводитель по Хейфилдскому кладбищу»... «Дети и похороны».

Я открываю один, начинаю читать. Мне становится тошно. Я захопываю буклет и отодвигаю прочь.

- Значит, ты уже решила, как все будет?

Мама знает, о чем я спрашиваю, но отвечает не сразу. Молча кусает губы. Кажется, сейчас заплачет. Нет, сдержалась.

- Его кремируют и отдадут нам урну с пеплом. Урну мы хоронить не будем. Принесем ее домой.

- Кремируют? - переспрашиваю я.

Значит, его сожгут. Нет, это неправильно. В этом есть что-то... непоправимое.

- Да. Ты не возражаешь? Карл, я не знала, что делать. Я должна была принять решение. Но если ты не рад, можем отказаться от кремации.

«Рад». Слово, будто пепел, забивает мне рот.

- Я, наверное, не так сказала. Какая тут радость, - спохватывается мама. - Я не хотела... не хотела...

Ее глаза полны слез.

- Все нормально. - Я пытаюсь не допустить новых рыданий. - Как ты сказала, так и будет. Мы это сделаем.

- Хорошо. В следующий вторник... Похороны.

Она рассеянно водит рукой по глянцевой поверхности буклета.

- Ты не поверишь, как все дорого. Служащая похоронного бюро сказала, что за Роба нужно заплатить половину, потому что ему всего семнадцать... было семнадцать... А до пяти лет - вообще бесплатно.

Мне нечего сказать. Мамины слова повисают в воздухе. Пока я думаю над ответом, звонит мобильник. Мама испуганно смотрит на меня.

- Mam, это твой, - объясняю я. - Он у тебя в сумке?

- Кто звонит? - спрашивает она, словно я знаю.

- Мама, это твой мобильник.

- Возьми сам. Я... я не могу.

Она достает из сумочки телефон и протягивает мне. Вместо цифр слова «Номер неизвестен». Я нажимаю зеленую кнопку и отвечаю.

Звонит полисменша, с которой я сегодня уже встречался. У меня душа уходит в пятки.

Ее зовут Салли Андервуд. Ее чин - констебль. Она хочет поговорить с мамой, но мама отчаянно мотает головой.

- Извините, сейчас она не может подойти к телефону.

- Но ведь она где-то рядом? Она дома?

- Да.

- Удобно, если мы с коллегой заглянем к вам минут через пятнадцать?

- Да, - отвечаю я.

На самом деле я очень сомневаюсь насчет «удобно». Я ведь даже не посоветовался с мамой. Но интуитивно почувствовал: отвечу «нет», будет еще хуже.

Салли Андервуд отключается.

– Кто звонил? – спрашивает мама.

– Старина Билл[2 - Жаргонное выражение, обозначающее английскую полицию. – Здесь и далее примеч. перев.].

Мама крепко стискивает зубы и выпячивает подбородок.

– Они хотят прийти через пятнадцать минут. Поговорить со мной. Одну из них... женщину... я сегодня уже видел. На улице.

Мама смотрит на стол. Ее рука комкает буклет, где расписаны преимущества тяжелой утраты. Вряд ли мама сознает свои действия.

– Мама, в чем дело? Почему ты не захотела ответить на звонок?

– Однажды они уже позвонили, – тихо объясняет она. – Полиция. Позвонили и сказали, что Роб... попал в беду. Я не успела спросить, что за беда, как в паб кто-то вбежал и сообщил, что он мертв, а тебя повезли в больницу.

– Мама, мне очень жаль. Честное слово, мне очень жаль.

Я сейчас извиняюсь за то, в чем не виноват. Совсем как полисменша Салли.

Пятнадцать минут. Она явится к нам через пятнадцать минут. Я смотрю на пол. Сковородка со сгоревшей фасолью. Угольные ломти хлеба. Обожженные цветы. Расплавленный пластик. Вспоминаю о пустых банках, разбросанных вокруг дивана. Нельзя, чтобы полицейские все это увидели.

– Мам, они же скоро придут. Давай немного приберемся.

Я хватаю сковородку и убираю в шкаф. Сгоревший хлеб выбрасываю в мусорное ведро, собираю цветы.

– Мам, может, ты уберешь пустые банки в гостиной? А я в кухне пол помою. Где ведро?

– Под раковиной, – отвечает она, не двигаясь.

Из шкафчика под мойкой я достаю пластмассовое ведро, тряпку и бутылку чистящего средства «Флэш».

Ставлю ведро в мойку, брызгаю в него «Флэшем». Открываю оба крана. Вода с шумом льется в ведро, шапка пены быстро дорастает до края. Меня охватывает страх. Да что такое со мной? Это всего-навсего вода. Возьми себя в руки!

Бегу в гостиную, быстро собираю пустые банки. Когда возвращаюсь, ведро почти наполнилось. Банки летят в мусор. Закрываю краны. Мама продолжает сидеть.

– Мам, пожалуйста...

Она смотрит, как я опускаю ведро на пол и погружаю тряпку в пенную воду. Вода холодная как лед. Отжимаю тряпку. В голове раздается пронзительный крик. Громкий. Болезненный. Как будто кто-то воткнул мне в ухо вязальную спицу и вытащил ее из другого уха.

Резко встряхиваю головой. Крик смолкает, но легче мне не становится.

Подвигаю ведро, и вода выплескивается через край. Возле ведра появляется лужица. Тянусь, чтобы вытереть ее, и чувствую: что-то сдавливает горло. Пытаюсь проглотить подступивший комок, но он поднимается, и вот уже мой рот полон холодной, зловонной жидкости. Распрямляюсь, бросаюсь к мойке и шумно выплевываю. У гадости вкус протухшей воды, глины и ила.

– Черт! – бормочу я, хватая ртом воздух.

– Что...

Мама наконец-то встает. Смотрит на коричневую лужицу возле сливного отверстия мойки. В лужице плавают комки слизи. Мама открывает кран, чтобы смыть дрянь.

- Прополощи рот.

Она говорит резко, но ее рука мягко водит мне между лопатками, двигаясь вверх-вниз. И сразу вспоминаются другие моменты, когда я стоял на коленях перед унитазом, выворачивался наизнанку, а меня ободряюще поглаживали по спине. Но тогда это была не мамина рука, а рука Роба.

Засовываю голову под кран, глотаю чистую воду, полощу рот, сплевываю.

«Я иду за тобой, Си».

Снова голос. Тот же, что и прежде. Совсем рядом.

Я выпрямляюсь.

- Ты слышала? - спрашиваю у мамы.

- Что?

- Голос.

Она непонимающе смотрит на меня.

- Я слышу только шум воды и твои отплевывания. Рот прополоскал?

Во рту еще остается слабый привкус гнили, прячущийся у основания зубов.

- Почти, - отвечаю я и снова засовываю голову под воду.

«Ты меня слышишь, братишка?»

Я смотрю на струящиеся каскады у моего лица и мельком что-то вижу. Островок неподвижности среди текущей воды. Он совсем близко, но я не могу понять, что? это. Становится тревожно, и в то же время меня тянет к этому островку.

Звонок в дверь возвращает меня к реальности. Я закрываю кран. Мама опять застыла. Похоже, она не знает, как ей быть.

- Я открою, - предлагаю я.

И иду открывать, на ходу вытирая голову посудным полотенцем.

Разговор с полицейскими не клеится. В моей памяти сплошные провалы. В голове мешанина. Я не могу ответить даже на простые вопросы.

- Почему ты пошел на озеро?

- Без понятия.

- А что делал до того, как отправиться на озеро? Расскажи о том дне.

- Не помню.

- Что произошло в воде?

- Без понятия. Помню только... сильный дождь. Ливень. И гром с молнией.

- Когда спасатели тебя нашли, ты был в рубашке и школьных брюках. А Роб - только в плавках. Карл, почему ты купался в одежде?

- Без понятия. Извините. Я в самом деле ничего не помню.

- Карл, я должна задать тебе еще один вопрос. На теле Роба... на нем были ссадины и следы побоев. Ты знаешь, откуда они появились?

Костяшки моего кулака бьют по его голове. Он отодвигается, но тут же набрасывается на меня. Я отбиваюсь руками и ногами, но вода затрудняет и утяжеляет движения. Мне холодно. Очень холодно. Холод высасывает из меня силы. Я подгибаю ноги, стремясь отбиться пятками. Луплю его по чувствительным местам. Он вопит, но мне от него тоже достается.

- Ничего я не знаю.

У меня потеют ладони. Если воспоминания настоящие, тогда ссадины и следы побоев оставил я.

Мама сидит на краешке стула. Ее руки сомкнуты и зажаты между колен. Спина наклонена, плечи опущены. Вид у нее такой, будто она в приемной у зубного врача, а не в гостиной своего дома.

- Мальчишки всегда дерутся. Разве не так? - вставляет мама. - Природа у них такая.

Констебль Андервуд хмурится. Ее напарник подается вперед и спрашивает:

- Керри, а когда вы в последний раз видели их дерущимися?

Куда он клонит? Неужели считает меня причастным к синякам и царапинам? Или он знает? Но откуда?

Мама разглядывает свои руки.

- Они всегда так себя вели... Не знаю.

- Они дрались дома? В то утро? Или днем?

- Я не знаю. Утром я спала. А когда проснулась...

- Когда вы проснулись?

Возникает пауза. Полицейский решает, что нащупал нить к разгадке.

- ...Я пошла в паб.

Мама возвращается в свою скорлупу. Снова опускает голову и плечи. Я стараюсь держаться спокойно.

Полицейский делает пометки в блокноте. Констебль Андервуд замечает под кофейным столиком пустую банку. А я не увидел ее, когда убирал. Черт! Ненавижу таких, как эта парочка в форме. Высматривающих. Осуждающих.

Андервуд снова поворачивается ко мне:

- Карл, ты можешь еще хоть что-то вспомнить?

- Там была девушка.

- Нейша Гупта, - подтверждает Андервуд.

- Подруга Роба, - бормочет мама. - Надо же, совсем забыла про нее.

Его подруга. Та, что с надутыми губками смотрит в камеру мобильного. Та, у которой лямка сползла с плеча... Прекратите ваши допросы! Хватит!

- Мы ее уже расспрашивали. Она... она очень потрясена случившимся.

- Еще бы ей не быть потрясенной, бедняжке, - замечает мама. - Что она сказала? Что там произошло?

- Она не хотела говорить об этом. Конечно, для нее это болезненно. Сказала, что они втроем плавали, резвились и все было прекрасно, пока не изменилась погода. Начался жуткий дождь, и они потеряли друг друга из виду. Потом они с Карлом каким-то образом оказались рядом и поняли, что Роб исчез.

«Все было прекрасно, пока не изменилась погода... резвились...» Она им наврала. Мы с Робом дрались, вот что было на самом деле. Зачем Нейша солгала полицейским?

Мама глотает слюну. Пытается не заплакать при гостях.

- Карл, ты это помнишь? - спрашивает она меня. - Ты хоть что-то помнишь?

- Дождь помню. И все.

Я не намерен ничего рассказывать, пока не вспомню до мельчайших деталей случившееся на озере. Пока не восстановлю картину полностью.

– Тебе стоило бы поговорить с Нейшей, – говорит Андервуд. – Вдруг это поможет вспомнить?

Они с напарником собираются уходить. Мама спрашивает, что будет дальше. Констебль Андервуд отвечает, что они проведут дознание, чтобы выяснить обстоятельства смерти Роба. Коронер, занимавшийся вскрытием, работу закончил и передал тело Роба в морг похоронного бюро. Так что можно готовиться к похоронам. А дознание они проведут вскоре после похорон. Все это время констебль смотрит на меня, словно знает, что я недоговариваю. Потом просит: если я еще что-нибудь вспомню, обязательно ей сообщить. Наконец они уходят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/reychel-uord/kogda-bridet-dozhd/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Цит. по: Стейнбек Дж. О мышах и людях / Пер. В. Хинкиса. М.: АСТ, 2013.

2

Жаргонное выражение, обозначающее английскую полицию. – Здесь и далее примеч. перев.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/reychel-uord/kogda-bridet-dozhd-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)